

МЁРТВЫЕ ГОВОРЯТ

АНАТОМИЯ ПРОКЛЯТИЯ

ФЭНТЕЗИ-
ДЕТЕКТИВ

КНИГА 2

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

Мёртвые говорят.

Анатомия проклятия

<https://litres.ru/74595654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Григорий Ветров слышит мёртвых — и платит за это собой. С каждым «слушанием» дар выжигает его изнутри, и он знает: однажды это его убьёт.

Но в портовом Кайре молодые умирают один за другим, и город списывает каждую смерть на «мор». Ветров не может пройти мимо — не тогда, когда трупы шепчут ему правду.

Следы ведут на север. К тайному ордену, что веками выжигает на телах знак-спираль. К тем, кто сто лет ждёт «отдающего» — такого, как он.

Цена растёт: немеют руки, сбивается сердце, а дознавательница Рената всё чаще ловит его, когда он падает. Впереди — запретный ритуал «вытягивания» души, и кто-то знает о Ветрове больше, чем он сам.

Потому что в архивах Вальдена осталась одна фраза, способная всё изменить: «Помнящий не горит».

Вторая книга ироничного фэнтези-детектива «Мёртвые говорят» — о цене дара, которую не принято называть вслух.

Содержание

Глава 1. Дорога на юг	4
Глава 2. Кайр	11
Глава 3. Элия	15
Глава 4. Вскрытие	19
Глава 5. Кейрел	23
Глава 6. Мор	28
Глава 7. Угроза	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анатолий Бевза

Мёртвые говорят.

Анатомия проклятия

Глава 1. Дорога на юг

Кард мы покинули на рассвете, когда туман ещё стелился по мостовым, как простыни, которые кто-то забыл снять.

У восточных ворот нас ждал отец Кас. Он стоял, опираясь на посох, — маленький, в серой рясе, — и смотрел, как мы собираемся в дорогу. Молча. Как умел смотреть только он: будто провожает не в путь, а на войну.

— В Кайре будет хуже, — сказал он, когда я подъехал. — Там Круг старше. И злее.

— Вы это уже говорили.

— Повторяю. — Он достал из рукава мешочек — соль, воск, рябина, как в первый раз. — На всякий случай. — И, помедлив, добавил тише: — И береги её.

Я глянул на Ренату, что поправляла перевязь у коня.

— Берегу, — сказал я.

— Я не про неё. — Отец Кас посмотрел мне в глаза. — Про себя. Ты теперь не только свой. Ты — надежда слишком многих.

Я не нашёл, что ответить. Только кивнул.

Город провожал нас молча: скрипнули ворота, тявкнула собака, и за спиной растаял шпиль Храма Смерти.

Впереди лежала дорога на юг.

Ехали мы вчетвером. Рената — на серой кобыле, прямая, как всегда, с мечом у бедра. Морт — на повозке, грузённой склянками, и всю дорогу ворчал, что «собирать улики в чужом городе — это уже не профессия, а диагноз». Мира — на той измученной лошади, что привезла её из Кайра три дня назад. Я — на смирной гнедой, которую отец Кас одолжил из конюшни Храма.

Сначала ехали молча.

Утро было серое, холодное, и воздух пах мокрым камнем и дымом — последним, что оставалось от Карда. Я ехал и ловил себя на том, что оглядываюсь. Не из сентиментальности. Просто город успел стать чем-то вроде дома, а дом не отпускает сразу.

Потом Морт не выдержал.

— И всё-таки, — сказал он, — объясни мне ещё раз, мертвец. Мы едем в город, где, по словам архидьякона, Круг «старше и злее». Где умирают молодые. Где Синклит наверняка уже знает, что ты существуешь. И мы едем туда добровольно.

— Добровольно, — подтвердил я. — Из чувства гражданского долга.

— А если без шуток?

— А если без шуток, — я повернулся к нему, — там умирают люди. Молодые. Их списывают в «проклятия». А я умею задавать вопросы, на которые мёртвые отвечают. Что прикажешь делать — сидеть и ждать, пока кто-то другой разберётся?

Морт помолчал. Долго. Потом заговорил — и я понял, что это не просто спор.

— Ты хоть понимаешь, во что это тебе обходится? — тихо спросил он.

Я понимал. Ещё как.

Левая рука дрожала с самого утра. Не сильно — так, как дрожит у старика, когда он тянется за чашкой. После последнего «слушания» в Карде дрожь не проходила уже неделю. И это было только начало.

— Понимаю, — сказал я.

— Нет. — Морт покачал головой. — Не понимаешь. Я видел таких, как ты. — Он замолчал, глядя на дорогу, и впервые за долгое время в его голосе не было ни насмешки, ни бравады. — Давно. Ещё до того, как открыл лавку. Один человек умел... не как ты. По-другому. Но тоже — отдавал. И его это сожгло. Я не успел ничего сделать, потому что не знал, как.

Я посмотрел на него. Старый алхимик, который вечно острил и совал нос куда не надо, сейчас говорил без тени улыбки.

— Поэтому ты поехал, — сказал я.

— Поэтому я поехал. — Он выпрямился на козлах. — Не для того, чтобы ты сдох у меня на глазах. А чтобы найти способ, как тебя не сжечь. Понял?

— Понял. — Я отвернулся, чтобы он не увидел, как у меня дрогнуло лицо. — Спасибо.

Мира всю дорогу молчала. Ехала чуть в стороне, закутавшись в плащ, и смотрела вперёд, на юг, будто хотела увидеть море раньше, чем оно покажется. О сестре не говорила. Только один раз, когда мы остановились у колодца — старого, с позеленевшим срубом и треснувшим ведром, — сказала, не оборачиваясь:

— Вы не думайте, что я не боюсь. Боюсь. Просто она была моей сестрой. И я должна знать.

— Знание — это больно, — сказал я.

— Знаю. — Она наконец посмотрела на меня, и глаза у неё были сухие, как степь, что осталась позади. — Но незнание — хуже.

Она снова отвернулась, и я подумал, что таких, как она, — тех, кто выбирает правду вместо покоя, — я видел немного. Рената была из таких. И, пожалуй, я сам.

Дальше степь пошла ровная, серая, и дорога вилась по ней, как трещина по старому кувшину. Иногда на обочинах попадались покосившиеся кресты и камни с выцветшими надписями — кто-то хоронил здесь своих, и давно.

Рената поравнялась со мной.

— Ты часто оглядываешься, — заметила она.

— Привычка, — сказал я. — В моей работе важно смотреть назад. Там обычно остаётся то, что объясняет всё остальное.

— А здесь что осталось?

— Кард. — Я пожал плечами. — И половина ответов.

Она не ответила. Только смотрела вперёд, на юг, где за горизонтом, невидимое, ждало море.

К полудню нам встретилась повозка. Старая, крытая рогожей, она ехала на север — навстречу нам, — и возница, увидев нас, натянул поводья, как будто хотел проехать мимо, не останавливаясь.

— Эй, — окликнул его Морт. — С Кайра?

Возница — пожилой, обветренный, с глазами, что бегали по сторонам, — нехотя остановился.

— С Кайра, — буркнул он. — А вам туда?

— Туда, — сказал я.

— Тогда поворачивайте. — Он сплюнул в пыль. — Нечего вам там делать. Мор людей косит, молодые мрут, а Синклит глаза отводит. Я вот дочку забрал и везу к сестре, подальше от этого.

Я переглянулся с Ренатой.

— И давно мор? — спросил я.

— Да уж месяц, — он покачал головой. — А то и больше. Сначала тихо было — один, другой. А теперь чуть не каждую ночь кого-то находят. Молодых. Всех до единого молодых.

— И что говорит Синклит?

— А что Синклит? — Он горько усмехнулся. — «Мор». И всё. Разве от мора одни молодые умирают? — Он снова сплюнул. — Даже не знаю, что страшнее — мор этот или те, кто его выдумал.

Он тронул лошадь.

— Поворачивайте, — повторил он уже издалека. — Пока целы.

К полудню мы остановились у одиночного вяза — единственного дерева на всю округу, кривого, скрипучего, как старик. Морт повёл лошадей к воде, Мира пошла за ним, а я сел в тень и впервые за день позволил себе заметить, как дрожит левая рука.

Она дрожала не от усталости. Я знал эту дрожь — она появлялась, когда мёртвые были рядом. А сейчас, посреди пустой степи, где не было ни одной свежей могилы, она всё равно не унималась.

Значит, дело было не в месте. Дело было во мне. Дар тянулся вперёд, к морю, к Кайру, как будто уже чувствовал тех, кого мне предстоит слушать. И их было много.

— Что? — Рената заметила мой взгляд.

— Ничего. — Я спрятал руку под плащ. — Просто Кайр, видимо, уже зовёт.

Она не поверила. Но промолчала.

К вечеру степь кончилась, и воздух изменился. Сначала я не понял, что не так. А потом понял: пахло солью. Морем. Впервые в жизни я ехал к морю, и море, ещё невидимое, уже

дышало в лицо — сырое, холодное, чужое.

— Кайр, — сказала Мира, и в голосе её было не облегчение, а что-то другое. Как у человека, который возвращается туда, откуда сбежал.

На горизонте, над тёмной полосой воды, загорались первые огни порта.

И где-то среди этих огней, я это чувствовал кожей, кто-то уже знал, что мы едем.

Глава 2. Кайр

Кайр пах рыбой, смолой и солью. И ещё — страхом.

Мы въехали через южные ворота на рассвете, и сразу стало ясно: здесь всё не так, как в Карде. Кард был каменным, серым, собранным, как человек, который знает себе цену. Кайр был деревянным, мокрым и как будто наспех сколоченным — дома жались друг к другу, как пьяные в толпе, над узкими улочками свисали вывески, и чайки орали над крышами, как будто делили что-то, чего на всех не хватит.

Порт гудел. Краны скрипели, матросы ругались на трёх языках, где-то били в колокол, где-то выгружали бочки, и всё это — под крики чаек и плеск грязной воды о сваи. И за всем этим шумом — то самое, что я научился слышать за эти месяцы: тишина. Люди избегали смотреть друг другу в глаза.

— Не так я себе представлял море, — пробормотал Морт, уворачиваясь от чайки, что спикировала на его повозку.

— А как представлял?

— Теплее. И без рыбьей требухи.

— Это порт, — сказала Рената. — Порт всегда такой.

Я глянул на неё. Что-то в её голосе изменилось. Она смотрела на улицу не как впервые — а как человек, который возвращается и сверяет: что осталось, что изменилось.

— Ты здесь бывала? — спросил я.

Она помолчала. Потом кивнула.

— Служила. Три года. — Она смотрела на улочку, и взгляд её был не «туристский», а тот, каким смотрят на место, где оставил что-то. — Давно. Молодой ещё была. Думала, что правда — это то, ради чего стоит служить.

— А потом?

— Потом ушла. — Она выпрямилась в седле. — Когда не смогла закрыть одно дело. Девушка. Молодая. Нашли мёртвой в доках. Синклит написал «мор». Я знала, что это не мор. Но доказать не смогла. — Она помолчала. — Мне сказали: «не лезь, это не твоё». А я не умела не лезть. Поэтому ушла.

— И с тех пор...

— И с тех пор, — она посмотрела на меня, — я не верю ни в «мор», ни в «проклятия». Поэтому я здесь.

— Как её звали? — спросил я. — Ту девушку. Из доков.

Рената долго смотрела на улочку, будто видела там что-то, чего не было.

— Лирра, — сказала она наконец. — Ей было девятнадцать. Я нашла её у воды, как и всех. И я помню не лицо даже. Помню её туфли. Один был потерян, а второй — надет. — Она сглотнула. — Она бежала, понимаешь? От кого-то бежала. И потеряла туфлю. А мы все написали «мор».

Я смотрел на неё и впервые видел не дознавательницу, а женщину, которая три года носит в себе чужую потерянную туфлю.

Вот, значит, как. Не только из-за меня. У Ренаты в этом городе был свой счёт, старый, как эти вывески. Я не стал ни-

чего говорить. Только кивнул.

Мира вела нас к северному кварталу, туда, где дома были ниже, а чайки злее. Улицы здесь были уже, и пахло капустой, мокрой шерстью и нищетой. Из-за ставни одного из домов выглянула старуха. Увидела Миру — и перекрестилась, быстро, как будто отгоняя дурное.

— Вернулась, — прошамкала она. — Ох, зря, девочка. Ох, зря.

Мира вздрогнула, но не остановилась.

— Тётя Марта, — сказала она, не оборачиваясь. — Я знаю, что вы думаете. Но я должна.

— Твоя сестра тоже «должна» была, — прошептала старуха и захлопнула ставню.

Мира сжала кулаки и пошла быстрее.

Дом её сестры стоял в переулке, откуда был виден кусок гавани, — маленький, деревянный, с выцветшими ставнями и засохшими цветами на окне.

— Здесь она жила, — сказала Мира. И встала у калитки, как будто не решаясь войти.

Она не вошла. Стояла и смотрела на засохшие цветы — и в этом взгляде было всё, что не выразить словами. Потом развернулась.

— Пойдёмте, — сказала она. — Я покажу, где её похоронили.

Мы пошли за городскую стену, к кладбищу на холме, откуда было видно море. Могила была свежая — холмик ещё

не осел, дощечка с именем покосилась от ветра.

«Элия. Двадцать лет».

— Её звали Элия, — сказала Мира, глядя на дощечку. — Ей было двадцать. Похоронили месяц назад. — Она смотрела на дощечку, и голос её не дрожал, что было страшнее любых слёз. — Синклит написал «мор». Как и всем.

— Всем? — переспросил я.

— После неё умерли ещё шестеро. Все молодые. Все «от мора». — Мира сжала кулаки. — А вчера, мне сказали, умерла ещё одна. Девушка. Тоже двадцать. В доках нашли.

Я переглянулся с Ренатой.

— Значит, мор всё ещё идёт, — сказал я.

— Значит, — Мира подняла на меня сухие глаза, — вы успели. Её ещё не похоронили.

Море внизу шумело, спокойное и равнодушное к тому, что творится на берегу.

И я вдруг понял, что мы приехали не в город. Мы приехали на место, где кто-то давно ведёт свой счёт. И счёт этот ещё не закрыт.

Глава 3. Элия

Портовая мертвецкая стояла у самой воды — низкое каменное строение, куда море в шторм, говорят, заглядывало прямо под двери. Сейчас было тихо, но в воздухе всё равно висела соль, и смола, и тот сладковатый запах, который я не спутаю ни с чем.

Внутри было темно и холодно. Одна масляная лампа на крюке, каменный стол, и на нём — тело, накрытое серой простынёй.

Девушка. Молодая, лет двадцати. Лицо мирное, как будто уснула. Только на виске, у линии волос, был выжжен знак. Спираль. С открытым глазом.

Тот самый, что я видел в Карде. Но другой. Грубее. Глубже. Как будто его ставили не рукой, а чем-то торопливым и злым.

Я наклонился ближе. Края ожога были неровные, рваные, с прилипшими волосками. Так бывает, когда клеймо не прогревают как следует, а прижигают наспех, боясь, что кто-то увидит. В Карде знаки выводили тщательно, как печать. Здесь — как зарубку. Спешили.

— Его ставили не для обряда, — сказал я. — Его ставили, чтобы запугать. Или пометить. Как метят скот перед бойней.

— Это она, — сказала Мира за моей спиной, не поднимая глаз. — Я её знаю. Мари. Работала у торговца пряностями.

— Она помолчала. — Хорошая была.

Она ещё помолчала, будто решаясь. Потом добавила, не глядя на тело:

— Мари не болела. Никогда. Здоровая была, как лошадь. В прошлом месяце ещё бельё с прачками носила, тяжёлое, — и ничего. А тут... — Мира сглотнула. — Её нашли у воды, как всех. Тихую. С улыбкой даже. Мать сказала: как будто во сне отошла.

Я посмотрел на тело. Действительно, на губах застыло что-то, похожее на улыбку. От этого было ещё страшнее.

Я откинул простыню.

Работать с телом — это всегда разговор. Сначала осмотр, потом вопросы. Я начал с рук.

Ногти чистые, без следов борьбы. Кожа бледная, но не восковая — умерла, судя по всему, этой ночью, часа три-четыре назад. На запястьях — ничего. На груди, под ключицами, — ничего. Ни ран, ни синяков, ни следов яда.

И всё-таки что-то было не так.

Я не сразу понял, что. А потом понял: тело было... лёгким. Не в смысле веса. В смысле — из него что-то ушло. Как из дома, где выключили свет, но не все окна. Как из кувшина, из которого вылили воду, но оставили сам кувшин.

— Что скажете? — спросила Мира.

Я помолчал, подбирая слова. Такие вещи не объяснишь в двух фразах.

— Это не болезнь, — сказал я наконец. — И не мор. У

неё ничего не отказывало. Ни сердце, ни лёгкие, ни печень. — Я провёл ладонью над телом, не касаясь. — Из неё что-то... вытянули. Не орган. Не кровь. Что-то другое. То, что у живых обычно остаётся.

— Жизнь, — прошептала Рената.

Я кивнул.

— В Карде у жертв забирали сердца. Здесь — теньше. Страшнее. — Я накрыл тело простынёй. — Мне нужно вскрытие. Настоящее. Но...

Я замолчал, потому что рука у меня снова задрожала. На этот раз сильнее. И в носу появился знакомый железный привкус.

— Ветров? — Рената шагнула ближе.

— Всё в порядке. — Я вытер нос тыльной стороной ладони, и на пальцах осталось красное. — Просто Кайр, видимо, требует больше.

— Ты не будешь делать это сегодня. — Она сказала не спросила. Решила.

— Рената...

— Ты едва стоишь. — Она посмотрела тем взглядом, который я уже знал: собранным, холодным, без возражений. — Вскрытие будет. Но не сейчас. Сначала придёшь в себя.

— А если я не соглашусь?

— А ты попробуй. — Она кивнула на мою руку. — Попробуй.

Я попробовал сжать кулак. Не вышло. Пальцы не слуша-

лись, как будто принадлежали кому-то другому. Я знал это чувство — так бывало после особенно тяжёлых «слушаний» в Карде. Но там оно проходило. Здесь — не хотело.

— Ладно, — сказал я. — Сегодня вы выиграли. Опять.

И тут, в тишине мертвецкой, за окном, что выходило на гавань, я увидел его.

На причале, среди матросов и бочек, стоял человек в тёмном плаще. Он не двигался. Просто стоял и смотрел. На мертвецкую. На меня.

Когда наши взгляды встретились, он развернулся и ушёл в толпу.

— Рената, — выдохнул я. — Нас ждали.

Глава 4. Вскрытие

Вскрытие я делал на рассвете, в той же портовой мертвецкой, пока город ещё спал, а чайки только начинали просыпаться над гаванью.

Рената стояла у двери. Морт раскладывал инструменты — тихо, без своих обычных шуток, и эта тишина давила сильнее, чем любой его смех. Мира отказалась войти, осталась снаружи, у воды, и я её понимал.

Тело девушки я уже видел. Теперь нужно было то, чего не видно.

— Скальпель, — сказал я.

Морт подал нож. Рука у меня дрогнула, и он заметил. Ничего не сказал. Только посмотрел — тем взглядом, каким смотрят на человека, который вот-вот упадёт, но делает вид, что держится.

Я работал быстро и тихо. Вскрытие — это разговор. Каждый разрез — вопрос. И мёртвые отвечают, если уметь спрашивать. Я умел. Просто теперь каждый ответ стоил мне дороже.

— Смотри, — сказал я, когда дошёл до груди. — Сердце на месте. Лёгкие чистые. Печень... тоже. — Я развёл края, осветил. — Ни один орган не отказывал. Никакой «мор» этого не сделал бы. Мор оставляет следы. Опухоли, гниль, жар. А здесь — ничего. Как будто человек просто... погас.

Но кое-что я всё же нашёл. Не орган. Не след. Ощущение — как будто в теле осталась пустота, которую ничем не заполнить. Словно из кувшина вылили воду, но на дне, в самой глине, остался холод. Тот самый, что я чувствовал и у Элии, и у всех остальных. Как будто смерть пришла не снаружи, а изнутри, и выпила человека, как чашку.

— Это не болезнь, — повторил я. — Это что-то, что умеет пить жизнь, не оставляя ни раны, ни следа.

— А что тогда? — спросила Рената.

— Не знаю. — Я честно смотрел на вскрытое тело. — Но что-то отсюда ушло. Не орган. Не кровь. Что-то, что не оставляет следа. — Я помолчал. — Ты когда-нибудь видел, как гаснет свеча? Огонь есть — и нет. А воск остаётся. Вот это — воск.

Я провёл ладонью над грудной клеткой, не касаясь. И почувствовал то самое, знакомое, от чего воздух в мертвецкой стал плотным.

— Отойдите, — сказал я. — Оно идёт.

Огонь в лампе вытянулся в нить. Над телом поднялось свечение — слабое, дрожащее, как пламя на ветру. Я уже знал, что это значит.

Видение ударило в грудь.

Темнота. Доки. Запах смолы и гниющих водорослей. Она идёт домой вдоль воды, торопится, кутается в плащ — ночь холодная, и туман ползёт по причалу, как живой. Сзади — шаги. Она оборачивается.

Лица не видно. Оно смазано, как будто смотришь сквозь воду. Только голос. Спокойный, знакомый ей. Тот, что она слышала каждый день. И рука, что тянется к её лицу.

Она хочет закричать. Не может. Горло сжато, как будто на нём невидимая ладонь.

И последнее, что она видит, прежде чем всё гаснет: на пальце у фигуры — перстень. Тяжёлый. С камнем цвета воронова крыла.

И ещё — голос. Я успел ухватить его краем, прежде чем видение оборвалось. Он назвал её по имени. Не «девушка», не «Мари». Назвал по имени, мягко, почти ласково, как называют того, кого знают давно.

Её убил не чужой. Её убил тот, кого она знала.

Видение оборвалось.

Я пошатнулся. Рената подхватила меня. В носу — кровь, во рту — железо. Голова кружилась так, что мертвецкая плыла, и стены наклонялись, как палуба в шторм.

— Перстень, — прохрипел я. — Тот же. Чёрный камень.

Рената замерла.

— Как в Карде? — спросила она.

— Как в Карде. — Я вытер лицо. — Но там его носила Ида. А здесь...

— Здесь Круг старше, — тихо закончил Морт. — И злее.

Я кивнул. И снова попытался встать. И снова не смог — ноги подломились, как у тряпичной куклы.

— Хватит, — сказала Рената. — Сегодня больше никаких

вскрытий.

— Но мы только начали...

— Мы продолжим завтра. — Она уложила меня на лавку, как в тот раз, в Карде. — А сейчас ты лежишь. Это приказ.

Я хотел возразить. Не смог. Тело не слушалось.

Морт склонился надо мной, и в его глазах не было ни насмешки, ни бравады. Только страх — тот самый, который он прятал за шутками всю дорогу.

— Ты не дотянешь до конца этого города, — сказал он.

— Если не найдём способ.

— Найдём, — сказал я. Хотя сам не был уверен.

И впервые, глядя на свою дрожащую, непослушную руку, я подумал: а что, если не найдём?

Глава 5. Кейрел

Синклит Кайра прислал за мной.

Не стража. Слугу — бледного человека в сером, который возник у порога мертвецкой, когда я ещё не мог стоять, и вежливо сообщил, что «магистр Кейрел желает видеть дознавателя Ветрова».

— И что магистру нужно? — спросил я, не поднимаясь с лавки.

— Магистр не объясняет. — Слуга поклонился. — Магистр приглашает.

Рената встала между нами.

— Дознаватель нездоров, — сказала она. — Пусть магистр пришлёт приглашение письмом. Или сам придёт.

Слуга даже не взглянул на неё.

— Магистр велел передать: он знает, кто вы. И что вы здесь делаете. И что если вы не придёте сами — придут за вами.

Я сел. Голова ещё гудела, но я был в сознании.

— Иду, — сказал я.

— Ветров, — Рената сжала мне плечо.

— Я не собираюсь прятаться. — Я поднялся, опираясь на стол. — Раз магистр знает, кто я, — тем интереснее, что он хочет сказать.

Синклит Кайра стоял на холме, над портом, — белое зда-

ние с колоннами, которое не вязалось с деревянным, мокрым городом внизу. К нему вела каменная лестница, вытертая тысячами ног, и по бокам, как стража, стояли фонарные столбы с погасшими огнями.

Внутри пахло воском, чернилами и чем-то сладковатым, что я уже начал ненавидеть. По коридорам сновали писцы с бумагами, и никто не поднимал глаз. Слуга вёл меня вглубь, мимо дверей, за которыми слышались приглушённые голоса, и каждый из них, казалось, чего-то боялся.

Магистр Кейрел ждал в кабинете у высокого окна. Немолодой, сухой, с лицом человека, который давно не удивляется. Одет в тёмно-синее, с серебряной нитью по краю — как Рольт в Карде. Но взгляд у него был другой. Не холодный. Усталый.

— Дознаватель Ветров, — сказал он, не оборачиваясь. — Или всё-таки Каспер Ванн?

— Как удобнее, — ответил я. — Оба имени уже заняты.

Он повернулся. Посмотрел на меня долго, оценивающе — так смотрят на человека, которого ждали и боялись одновременно.

— Знаете, зачем вы здесь? — спросил он.

— Умирают молодые. Синклит пишет «мор». Я так не умею.

Кейрел усмехнулся одними губами.

— «Мор», — повторил он. — Удобное слово. Когда не хочется разбираться.

Я насторожился. Это были мои слова. Почти.

— Вы знаете, что это не мор, — сказал я.

— Я знаю. — Он подошёл к окну, посмотрел на порт. —

И это, дознаватель, самое страшное, что я знаю.

Он помолчал. Потом заговорил — тихо, как человек, который боится, что его услышат даже стены.

— Здесь, в Кайре, смерти не расследуют. Их... списывают. Есть люди, которые делают это аккуратно, чтобы город не задавал вопросов. Они называют себя «Тихая смерть». И они сильнее Синклита. Сильнее меня.

— И вы их покрываете.

— Я их боюсь. — Кейрел повернулся ко мне, и в его уставших глазах мелькнуло что-то, чего я не ожидал. — Это не одно и то же. У меня... — он замолчал, будто взвешивал, говорить ли. — У меня семья, дознаватель. Дочь. Внук. И они живут в этом городе. Пока я молчу.

— Вы пробовали молчать иначе? — спросил я. — Хотя бы раз.

Кейрел долго смотрел на меня. Потом подошёл к окну, провёл пальцем по стеклу, будто стирая невидимую надпись.

— Один раз, — сказал он. — Три года назад. Я отказался подписать справку о «море». Через неделю у моего дома поставили знак. Не мне. Внуку. — Он сглотнул. — Выгорело на двери, прямо на уровне его глаз, чтобы он видел. Внуку тогда было пять.

Он обернулся, и я увидел в его глазах то, что не спутаешь

ни с чем: человека, который однажды выбрал не ту сторону и с тех пор платит.

— Поэтому я и «покрываю», — закончил он. — Я покупаю внуку ещё один день. Каждый раз.

Я смотрел на него. На человека, который когда-то, наверное, тоже хотел правды. А теперь сидел в белом кабинете и выбирал между правдой и внуком.

Он сделал шаг ко мне, понизил голос почти до шёпота:

— В архиве Синклита есть книга. Не та, что показывают. Настоящая. Там имена всех, кого «забрал мор». И тех, кто забирал. — Он вцепился в край стола, побелевшими пальцами. — Если вы её найдёте...

И тут дверь кабинета приоткрылась.

Кейрел вздрогнул. Выпрямился, как солдат, слышавший шаги офицера, и весь его страх, вся его усталость исчезли под маской холодного чиновника.

— Вам лучше уехать, дознаватель, — сказал он громко, холодно, как будто и не было этого разговора. — Пока Кайр не забрал вас, как забирает всех, кто задаёт лишние вопросы.

И, не глядя на меня, махнул рукой — аудиенция окончена.

Я вышел. В дверях, у выхода, стоял тот самый слуга — и смотрел на меня с лёгкой, едва заметной усмешкой.

По пути к лестнице, у двери с табличкой «Архив», стояли двое: писарь в заляпанном чернилами фартуке и человек в сером плаще. Они говорили вполголоса и, когда я прошёл мимо, замолчали, как по команде. Писарь отвёл глаза. Чело-

век в сером — нет. Он проводил меня взглядом до самого поворота, и в этом взгляде не было ни страха, ни любопытства. Только спокойное, почти хозяйское внимание.

«Тихая смерть» была не снаружи. Она была внутри.

Рената ждала у ворот.

— Ну? — спросила она.

— Он почти помог, — сказал я. — Почти. А потом испугался.

— Чего?

Я посмотрел на белое здание Синклита, на его колонны, на порт внизу, где у воды стоял человек в тёмном плаще.

— За внука, — ответил я. — И за себя.

Глава 6. Мор

Я провалился в мертвецкой до полудня. Тело не слушалось, как чужая одежда, надетая наизнанку. Рука дрожала. В носу всё ещё стоял привкус железа.

Морт поил меня горьким отваром и ругался вполголоса, что «если ты так будешь падать после каждого тела, я тебя к концу месяца буду по частям собирать».

— Тогда собери меня лучше, — прохрипел я.

К вечеру я смог сидеть. К ночи — ходить. И сразу потребовал карту.

— Зачем? — спросила Рената.

— Затем, что мор убивает не всех. — Я расстелил карту Кайра на столе, прижал углы склянками Морта. — Только молодых. И я хочу понять, по какому рисунку.

Мира принесла имена. Семь имён, включая Элию. Все — молодые. Все — «от мора». Все — с выжженным знаком на виске или запястье. Она называла их по памяти, и голос её не дрожал — только на седьмом имени, на имени сестры, чуть сбился.

Пока я искал карандаш, она рассказывала про каждого. Про первого — подмастерье пекаря, что боялся темноты и всегда ходил с фонарём. Про третью — дочь швеи, что пела по утрам, и её было слышно через три дома. Про пятого — парня с пристани, что таскал тяжести за двоих и никогда не

жаловался. Имена она произносила ровно, как бухгалтер, но я видел, как она кусает губу.

— Их всех забрали за месяц, — закончила она. — И никто не сказал ни слова.

Я ставил точки на карте. Одну за другой. Места, где их нашли.

— Доки, — сказал я, ткнув в первую. — Потом северный квартал. Потом — за стеной, у кладбища. — Я отступил, посмотрел. — Это не спираль.

В Карде смерти укладывались в спираль с глазом. Здесь точки складывались в ломаную линию, что тянулась через весь город.

— Хребет, — выдохнул Морт. — Позвоночник. Семь точек, одна за другой, по дуге. Это позвонки. А если добавить ещё — выйдет костяк.

У меня внутри всё похолодело.

— Они рисуют костяк, — сказал я. — Семь смертей — семь позвонков.

— А если их будет больше? — спросила Мира.

— Соберётся скелет, — закончила Рената.

Я отступил и посмотрел на карту целиком. Если продолжить линию — она упиралась в главную площадь, у самого моря.

— Голова, — сказал я. — Если это позвоночник, то голова будет здесь. Там, где всех видят.

— Или где никто не смотрит, — добавила Мира. — В тол-

не легко спрятать того, кто не должен быть замечен.

Мы переглянулись. У костяка была голова. И она ещё не была собрана.

Морт порылся в книгах, привезённых из Карда. Долго листал, бормотал, перекладывал обрывки. Потом поднял голову, и лицо у него было серым, как пепел.

— Я видел это, — сказал он тихо. — Давно. В той самой книге, которую сжёг мой учитель. — Он сглотнул. — «Костяной престол». Так это называлось. Когда костяк соберётся весь — сядет тот, кто не должен был умереть.

Я переглянулся с Ренатой.

— Костяной престол, — повторил я. — Значит, здесь собирают не годы. Они собирают... трон.

— Для кого-то, — сказал Морт. — Для кого-то очень большого. И очень старого.

— И очень терпеливого, — добавила Рената. — Раз ждал сто лет.

И тут я понял, что масштаб этой истории гораздо больше, чем я думал. Это был не один город. Не один магистр. Это была сеть, которая плелась по всей стране, и где-то в её центре — кто-то, кто собирал костяк, чтобы сесть.

— Рената, — сказал я. — Нам надо понять, кто следующий.

— И как?

Я посмотрел на карту, на семь точек-позвонков, на тёмные улицы Кайра за окном.

— Следующий позвонок вычислить можно, — сказал я.
— Убийца следует рисунку. А рисунок — это скелет. И он ещё не закончен.

Где-то за окном, над гаванью, снова закричала чайка — резко, как будто её что-то спугнуло.

И в этом крике мне послышалось что-то, похожее на смех.

Глава 7. Угроза

Утром мы нашли на двери мертвецкой знак.

Не мелом, как в Карде. Выжженный. Прямо в дереве. Спираль с открытым глазом, а под ней — слово, вырезанное ножом, криво, торопливо:

«Уезжай».

— Они знают, — сказала Рената, разглядывая дверь.

— Они давно знают. — Я провёл пальцем по выжженному знаку. Дерево было тёплым, как будто огонь прошёлся по нему только что, и под пальцем крошились обугленные щепки. — Теперь они хотят, чтобы мы это узнали.

Мира стояла чуть в стороне, обхватив себя руками. Лицо у неё было белое, как мел.

— Это мне, — сказала она. — Они так меня уже пугали. До того, как я поехала в Кард.

— Что? — я обернулся.

— Сначала знак на двери, — она смотрела на выжженную спираль, не отрываясь. — Потом — мёртвая чайка на пороге. Потом — записка с именем сестры. — Она подняла на меня глаза, и в них был тот самый страх, что я видел у людей, которые слишком долго были одни против многих. — Я уехала, потому что испугалась. И вот я вернулась. С вами.

— И ты всё равно здесь, — сказал я.

— И я всё равно здесь. — Она выпрямилась. — Потому

что бежать было хуже.

Весь день город смотрел на нас.

Не в открытую. Вполоборота. Торговка, что ещё вчера улыбалась и совала нам дешёвые лепёшки, сегодня отвернулась и заперла ставни. Мальчишка-разносчик, который бегал за нами с новостями, вдруг исчез, как будто его и не было. Даже собаки, казалось, уходили с дороги — не лаяли, не скалились, просто сворачивали в переулки.

Мира зашла купить хлеба в лавку на углу — ту самую, где вчера ей улыбались. Вышла через минуту с пустыми руками и лицом человека, которого ударили.

— Сказали: «не продаём», — она смотрела в одну точку.
— И дверь закрыли. Прямо передо мной.

— Кто сказал?

— Все. — Она сглотнула. — Они теперь боятся даже смотреть на меня. Будто я заразная. Будто это я привезла мор.

Рената положила ей руку на плечо.

— Это не ты, — сказала она. — Это страх. Он всегда ищет, на кого переложить.

— Знаю. — Мира выпрямилась. — Но от этого не легче.

— Плохо, — сказал Морт, когда мы свернули в узкий проход между домами. — Когда город закрывается, это хуже, чем когда он кричит.

— Потому что крик — это страх, — ответил я. — А тишина — это выбор.

— Выбор чей?

— Всех, кто решил, что нас лучше не видеть.

К вечеру я ушёл один.

Не сказал никому куда. Просто вышел из мертвецкой, спустился к воде и сел на край причала, свесив ноги. Внизу, под досками, плескалось море — то самое, о котором я в детстве читал в книжках и не верил, что оно бывает таким. Серым. Тяжёлым. Равнодушным.

Я вспомнил свой морг. Не как вспоминают дом, а как вспоминают место, где тебя понимали. Там тоже было холодно, и пахло не смолой, а дезинфекцией. Там тоже молчали. Но там молчание было моим. А здесь — чужим, навалившимся со всех сторон, как этот туман.

Вспомнил Серёгу, который по утрам гремел чайником и всегда жаловался, что я кладу слишком много сахара. Вспомнил трещину на потолке над столом, на которую смотрел двенадцать лет. Вспомнил, как зимой перемерзали трубы, и мы работали в пальто, и пар шёл изо рта, как будто и мы — мёртвые.

А теперь я сидел на чужом причале, и за спиной, в мертвецкой, лежали чужие мёртвые. И я не знал, где теперь мой дом — там, где меня ждут, или там, где я нужен.

Мёртвые за спиной молчали. Но я чувствовал их — теплых, как море.

И подумал: вот странно. Раньше я боялся, что они заговорят. Теперь — что замолчат навсегда.

К вечеру к нам подошёл человек.

Он возник из тумана у самой воды — невысокий, в сером плаще, с лицом, которое я уже видел. Тот самый, что стоял на причале и смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.